Еврейка

В школе для бедных, между другими детьми, сидела девочка-еврейка, добрая, развитая и самая прилежная из всех. Но в одном из уроков она не могла принимать участия — в Законе Божием: школа была христианская. Ей позволили в это время учить урок по географии или решать задачи, но она скоро справлялась и с уроком, и с задачами, и книжка только так лежала перед нею раскрытою — она в нее и не заглядывала, прислушиваясь к словам учителя. Скоро тот заметил, что она следит за уроком, пожалуй, внимательнее всех остальных.

— Учи свой урок! — сказал он ей кротко и серьезно, но она продолжала смотреть на него своими черными лучистыми глазами; он задал ей несколько вопросов, и оказалось, что она поняла и усвоила из его уроков больше, чем кто-либо из других детей. Она слушала, понимала и слагала все в сердце своем.

Отец ее, честный бедняк, отдавая дочь в школу, поставил условием, чтобы ее не учили догматам христианской веры; но отсылать ее в эти часы из класса было неудобно — это могло возбудить в других детях различные мысли и соображения, — и она оставалась. Теперь же учитель понял, что так дело оставить нельзя.

Он отправился к ее отцу и заявил, что тот должен или взять свою дочь из школы, или позволить ей принять христианство.

— Я не могу равнодушно видеть ее горящего взора, в котором так и светится вся ее душа, жаждущая света истины Христовой! — добавил учитель.

Отец заплакал:

— Сам я малосведущ в законе отцов моих, но мать ее была истою дочерью Израиля, крепко держала свою веру и взяла с меня на смертном одре слово — никогда не позволять нашей дочери креститься. Я должен сдержать свое обещание: оно для меня священно, как обет, данный Богу.

И девочку взяли из христианской школы.

Прошло много лет. В одном из маленьких городков в Ютландии служила в семействе небогатого горожанина бедная девушка-еврейка. Это была Сара. Волосы ее были черны, как эбеновое дерево, темные глаза сияли огнем, как у дочерей Востока. Но выражение их ничуть не изменилось со времени ее

детства, когда она еще сидела на школьной скамейке и внимала словам учителя.

По воскресеньям в церкви звучал орган и раздавалось пение псалмов; торжественные звуки доносились через улицу и до соседнего домика, где прилежно и неутомимо занималась своим делом еврейка. Заповедь «Помни день субботний, чтобы святить его!» — была для нее законом, но суббота была у христиан рабочим днем, и девушка могла праздновать ее лишь в сердце своем, а этого ей казалось мало. Но что значат для Бога дни и часы? Мысль эта пробудилась в ее душе, и девушка стала праздновать субботу в христианское воскресенье. И когда звуки органа и пение псалмов доносились до ее уголка в кухне, даже и это место проникалось святою тишиною храма. Сара читала в это время Ветхий Завет, сокровище и собственность ее народа; только его она и могла читать: слова ее отца, сказанные учителю, обещание, данное им ее умирающей матери, глубоко залегли в душу Сары: она не должна принимать христианства, не должна отрекаться от веры отцов своих, и Новый Завет должен оставаться для нее закрытою книгой! Но она уже так много знала из него, знания эти хранились в душе ее вместе с воспоминаниями детства.

Раз вечером она сидела в углу комнаты и слушала, как хозяин читал вслух. Она могла слушать — читали не Евангелие, а старую хронику. Из нее прочитано было об одном венгерском рыцаре, попавшем в плен к турецкому паше. Турок велел впрячь христианина вместе с волами в плуг, погонять кнутом, словом, надругался над ним и терзал его всячески! Жена рыцаря продала все свои драгоценности, заложила замок и земли, друзья его также сложились, и наконец составилась нужная сумма — паша требовал за рыцаря невероятно огромный выкуп. Деньги были доставлены, и рыцарь освободился из тяжелого рабства. Больной, страждущий, прибыл он домой. Но скоро опять кликнули клич против врагов христианства, и рыцарь забыл всякий покой и отдых, велел оседлать своего боевого коня. Щеки его опять окрасились румянцем, силы вернулись, и он помчался разить врагов. И вот тот самый паша, что держал его в плену, запрягал в плуг, мучил и терзал, стал теперь его пленником. Пашу отвели в темницу, но не прошло и часа, как к нему явился сам рыцарь и спросил его:

— Как ты думаешь, что ожидает тебя?

— Возмездие! — отвечал турок.

— Да, но возмездие христианское! — сказал рыцарь. — Закон Христа запрещает воздавать за зло злом, велит прощать врагам нашим и любить

ближнего! Бог есть любовь! Ступай с миром в дом свой и будь добр и милостив к страждущим!

Пленник залился слезами:

— Мог ли я ожидать этого? Напротив, я знал, что меня ожидают муки и терзания, и принял яд. Он скоро убьет меня, я умру, спасения нет! Но не дай мне умереть, не познав учения, которое вмещает в себе такую любовь и милосердие! Оно велико и божественно! Дай мне умереть христианином!

И мольба его была исполнена.

Вот какую историческую легенду прочел хозяин; все слушали внимательно, но живее, пламеннее всех внимала чтению сидевшая в углу служанка Сара, еврейка. Крупные слезы сверкали в ее блестящих черных как уголь глазах. Она сохранила ту же детскую душу, которая так жадно стремилась когда-то познать учение Евангелия. Слезы текли по ее лицу.

«Не позволяй нашей дочери стать христианкой!» — были последние слова ее матери на смертном одре, и она хранила их в сердце своем вместе со словами заповеди Божией: «Чти отца твоего и матерь твою!»

«Меня ведь и не крестили! — говорила она себе. — Все зовут меня еврейкою! Еще в воскресенье соседние мальчишки дразнили меня, когда я остановилась у открытой церковной двери и заглянула туда, где горели свечи и пел народ. Но со времени детства и до сих пор христианство неодолимо влечет меня к себе; оно, словно солнечный свет, проникает в мое сердце, даже когда я нарочно закрываю глаза. Но я не огорчу тебя в могиле, матушка. Я не изменю обету, который дал тебе отец! Я не стану читать христианской Библии: у меня есть свое прибежище — Бог отцов моих!»

Прошли еще годы.

Хозяин Сары умер, хозяйка впала в бедность, служанку надо было отпустить, но Сара не ушла. Она стала поддержкой вдовы в нужде, работала с утра до поздней ночи и кормила ее трудами рук своих. У вдовы не было никого из близких родственников, кто бы помогал ей, а она между тем слабела день ото дня и по целым месяцам лежала в постели. Кроткая, благочестивая Сара была для нее в это время истым благословением Божиим — она бодрствовала по ночам и ухаживала за больной.

— Вон там Библия! — сказала однажды больная. — Почитай мне немножко! Вечер такой длинный, и я так нуждаюсь в утешении словом Божиим.

Сара покорно склонила голову, взяла христианскую Библию, раскрыла и стала читать больной. На глаза девушки часто набегали слезы, но они становились от того еще яснее, а на душе у нее делалось все светлее. «Мать, дочь твоя не примет крещения, не будет причислена к христианам — ты так потребовала, и я исполню твой завет. Мы останемся одной веры, эта связь не будет мною нарушена здесь, на земле, но там нас ждет высшее единение в Боге! Он спасает нас от смерти. Он посещает землю, и если делает ее жаждущею, то и обогащает ее сторицею! Я понимаю это, хотя и сама не знаю, как дошла до того!.. Это все он разъяснил мне — Христос!»

И она вся задрожала, называя его святое имя; огненное крещение пронизало ее душу молнией, и слабое тело не вынесло: без чувств упала девушка возле больной, за которою ухаживала день и ночь.

— Бедная Сара! — сказали люди. — Она переутомила себя работой и бодрствованием!

Ее отвезли в больницу для бедных, там она и умерла; ее схоронили, но не на христианском кладбище — там было не место еврейке, а за оградою, у самой стены.

Но Божье солнышко, что светило на могилы христиан, ласкало и могилу еврейки; пение псалмов, раздававшееся над их могилами, доносилось и до ее могилы. Да, и до нее доносились слова: "И воскреснем все во Христе, Боге нашем, сказавшем ученикам своим: «Иоанн крестил вас водою, я же буду крестить Духом Святым».